

С. В. ПОЛЯКОВА

ἜΓΩ ΔΙΑ ΤΟΝ ΧΡΙΣΤΟΝ ΤΟΥΤΕ ΤΟΙΧΟΥΣ ΤΗΡΩ

(О некоторых особенностях раннемонашеской идеологии и быта согласно „Лавсаику“ Палладия и сочинениям Василия Великого)

Рассказанные Палладием, этим монашеским Плутархом, биографии прославленных монахов и подвижников должны были показать мирянину и клирику духовные преимущества затворнической жизни и подвиги ее первых адептов. Однако в «Лавсаике» под пером несколько наивного автора возникают отдельные детали, а подчас и целые картины, мало вяжущиеся с несомненно пропагандистскими задачами сочинения. К этой-то стороне монашеской жизни, случайно отраженной в биографиях Палладия и мало пригодной для «вразумления» читающего, стоит, думается, присмотреться.

Уже с первых шагов своего возникновения монашество претендовало на признание за собой преимущественной, сравнительно с мирянами и клириками, святости; претензия эта отчетливо проявляется и в «Лавсаике»¹. Согласно этой концепции, монах — существо, по моральному своему совершенству близкое ангелам и превосходящее духовными добродетелями обыкновенного человека. Характерен с этой точки зрения ответ Дорофея, который, на уговоры лечь спать и отдохнуть, в сознании своего исключительного нравственного совершенства говорит: «Если уговоришь ангелов уснуть, уговоришь и подвижника»². Подобное сопоставление обычно в христианской литературе этого периода, им пользуется Григорий Нисский³ и Василий Великий⁴.

16-я биография Палладия рисует сцену, которая наглядно должна показать превосходство монаха над белым духовенством: отшельник Натанаил с надменной независимостью и чувством превосходства принимает пришедших к нему в келью семерых епископов, оправдывая это тем, что он «умер для владык епископов и для всего мира».

Однако нравы этих людей, ведущих, по их представлению, ангело-подобную жизнь, довольно своеобразны, и ряд свойственных им черт

¹ Она подготовляла путь для настоятельно необходимого в дальнейшем идеологического обоснования политической и экономической мощи монастырей. К середине IV в. эта концепция настолько укореняется, что церковь начинает вести борьбу с монашеством и искусственно создает ряд аскетических сект, которые затем обвиняет в ереси. Об этом см. R. Reitzenstein. *Historia Monachorum und Historia Lausiaca*. Göttingen, 1916, S. 186.

² Pal., 2. Текст цитируется по изд. Butler'a: *The Lausiaca History of Palladius*. *Texts and Studies* ed. by Robinson, vol. VI, № 2, 1904.

³ PG, t. 46, ep. XIX, col. 1073.

⁴ PG, t. 31, Serm. asc. II, col. 873.